

Российская политика на Ближнем Востоке

Перспективы и вызовы

© Звягельская И. Д., Богачева А. С., Давыдов А. А., Ибрагимов И. Е.,
Лазовский С. О., Самарская Л. М., Свистунова И. А., Сурков Н. Ю., Тюкаева Т. И.

© Zvyagelskaya I. D., Bogacheva A. S., Davydov A. A., Ibragimov I. E.,
Lazovsky S. O., Samarskaya L. M., Svistunova I. A., Surkov N. Yu., Tyukaeva T. I.

Российская политика на Ближнем Востоке. Перспективы и вызовы

Russian policy in the Middle East. Prospects and challenges

Аннотация. Политика России на Ближнем Востоке — одно из направлений ее стратегического курса на укрепление позиций в мировой политике. Ближний Восток, не являясь приоритетом России, дал ей возможность продемонстрировать восстановленную военную силу, способность влиять на кризисы и искать пути стабилизации обстановки. Несмотря на напряженные отношения с Западом, именно на Ближнем Востоке есть потенциал для российско-американского взаимодействия. В силу прагматичности и деидеологизированности Москва укрепила и расширила отношения с региональными государственными и негосударственными акторами. При этом существуют и противоречия, обусловленные несовпадением базовых интересов.

Annotation. Russia's policy in the Middle East is primarily motivated by its geopolitical concerns. The region, while not a priority for the Russian Federation, has become an arena where it can demonstrate its newfound military strength and capability to influence crises while finding paths to stabilization. Apart from that, despite the persisting tensions with the West, and most and foremost with the US, the Middle East agenda is the one area for potential Russian-American interactions on a number of issues. Due to pragmatism and non-ideological nature of Russia's policies, it has been able to strengthen and expand its relations with regional states and non-state actors. Yet there still remain certain contradictions stemming from divergence of basic interests.

Ключевые слова. Россия, внешняя политика, Ближний Восток, интересы, арабские государства, Иран, Израиль, Турция.

Key words. Russia's policy, interests, perceptions, traditional partners, non-Arab states, economic relations.

В политике России на Ближнем Востоке доминирует геополитическое измерение. Этот регион, не являясь приоритетным для РФ, стал ареной, на которой она может продемонстрировать свою возросшую роль в мировых делах, вновь обретенную военную силу и умение устанавливать отношения с различными местными силами.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна — руководитель Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (ЦБИ ИМЭМО), профессор, доктор исторических наук.

БОГАЧЕВА Анастасия Сергеевна — младший научный сотрудник ЦБИ ИМЭМО РАН.

ДАВЫДОВ Алексей Андреевич — научный сотрудник ЦБИ ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

ИБРАГИМОВ Ибрагим Эминович — младший научный сотрудник ЦБИ ИМЭМО РАН.

ЛАЗОВСКИЙ Станислав Олегович — младший научный сотрудник ЦБИ ИМЭМО РАН.

САМАРСКАЯ Людмила Максимовна — младший научный сотрудник ЦБИ ИМЭМО РАН.

СВИСТУНОВА Ирина Александровна — старший научный сотрудник ЦБИ ИМЭМО РАН, кандидат исторических наук.

СУРКОВ Николай Юрьевич — старший научный сотрудник ЦБИ ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

ТЮКАЕВА Татьяна Иршатовна — научный сотрудник ЦБИ ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

Возвращение России на Ближний Восток не было и не могло быть продолжением советской политики. Но советский опыт до сих пор частично формирует отношение к Москве. Воспоминания о масштабном строительстве предприятий и инфраструктурных объектов, создании рабочих мест, получении образования в СССР еще являются предметом ностальгии бывших советских союзников и нередко порождают у них завышенные ожидания в отношении современной России.

Ближневосточная политика Москвы лишена идеологического наполнения и не нацелена на продвижение ценностей. Роль ислама и православия в России дает ей возможность использования религиозного фактора (участие российских мусульман в полицейских силах в Сирии, миротворческая миссия РПЦ, мусульмано-православный диалог, роль наблюдателя в Организации исламского сотрудничества — ОИС) для позиционирования в качестве страны, близкой народам Ближнего Востока. Можно порой обнаружить сходство подходов России и региональных государств к отдельным аспектам современных международных отношений, включая оценки роли Запада [15. С. 5].

Основная цель политики РФ на Ближнем Востоке — поддержание стабильности и баланса сил, что может обеспечить ей роль одного из ключевых внерегиональных игроков. Ключевые интересы РФ в регионе:

- обеспечение военного присутствия в интересах безопасности РФ и ее союзников;
- сдерживание экстремизма и терроризма, которые рассматриваются и как внутренняя угроза;
- расширение сотрудничества в военно-технической, ядерной, нефтегазовой, продовольственной и других сферах, защита российского бизнеса, привлечение инвестиций и влияние на цены на нефть [62].

В 2015 г. развитие ситуации в Сирии предоставило Москве «окно возможностей», и она пришла в регион как значимый военно-политический игрок. РФ показала, что способна проецировать силу, решительно вмешиваться в кризисы и влиять на их ход. Россия сумела укрепить или установить связи с основными государственными и негосударственными акторами. Это можно объяснить не только ее способностью достигать своих целей при относительно низких затратах, но и желанием региональных сил видеть Россию в регионе в качестве противовеса США, которого им не хватало с момента распада Советского Союза.

Россия достаточно гибко и избирательно использует имеющийся у нее набор инструментов в различных ближневосточных субрегионах. Так, в Машрике¹ местные игроки видят ее в качестве гаранта безопасности и медиатора (Сирия, палестино-израильский конфликт, ситуация в Ливане). Проблемой остается недостаточное использование Москвой «мягкой силы», хотя возможности для этого есть.

¹ В Машрик включают территории Ирака, Иордании, Израиля, Кувейта, Ливана, Сирии и Палестины.

Москва продвигает свои интересы в Северной Африке, где особое место в ее политике занимают Египет и Алжир (прежде всего, по линии военно-технического сотрудничества — ВТС). В Ливии политико-дипломатические отношения рассматриваются как возможность для развития торгово-экономических связей в будущем [13]. Россия начинает играть все более заметную роль в Персидском заливе, предлагает свою концепцию создания системы коллективной безопасности. При этом в Москве есть четкое понимание, что в среднесрочной перспективе Вашингтон останется основным гарантом безопасности для аравийских монархий.

В торгово-экономической сфере Москва ищет ниши, в которых обладает конкурентными преимуществами по сравнению с другими крупными мировыми игроками. Это касается продовольственной безопасности, ядерных и космических технологий. Участие в ОПЕК+ дает Москве возможности влияния на уровень добычи нефти и на цены (хотя и не всегда успешно).

Взаимодействие Москвы с региональными акторами не лишено противоречий и конфликтов, в основе которых лежит несовпадение интересов. Неоднократно кризисы разрешались за счет личных контактов между российским президентом и лидерами соответствующих государств — Р. Эрдоганом, Б. Нетаньяху.

На отдельных ближневосточных направлениях сохраняется взаимодействие между РФ и США, что в условиях напряженных отношений между ними может иметь самостоятельную ценность. Конфликт в Сирии является полем как столкновения интересов, так и сохранения контактов. По-прежнему действует система взаимного информирования, предотвращающая возможные инциденты с участием военных двух стран. Продолжаются попытки поиска возможностей для конструктивного российско-американского взаимодействия по Сирии.

По итогам встречи президентов В. Путина и Дж. Байдена в июне 2021 г. в Женеве была принята компромиссная резолюция СБ ООН, разрешающая поставки гуманитарной помощи через Идлиб еще на полгода [16]. Это удалось сделать, несмотря на серьезные разногласия относительно санкций (последний пакет — «Акт Цезаря») и поставок гуманитарной помощи на подконтрольные Дамаску территории [46]. Россия и Сирия выступают за реформу механизма трансграничной гуманитарной помощи (ТГМ) и отстаивают распределение ее из Дамаска. По проблеме урегулирования палестино-израильского конфликта позиция Россия традиционно ближе к позициям американских политиков из Демократической партии. В ходе обострения конфликта в мае 2021 г. Россия и США в рамках ближневосточного «квартета» международных посредников демонстрировали более синхронные, чем раньше, подходы [49].

Российская политика на Ближнем Востоке привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Среди авторов, акцентировавших внимание на истории российского присутствия на Ближнем Востоке, на предпосылках российского возвращения на Ближний Восток и его результатах, можно назвать В. М. Васильева [5], В. А. Кузнецова [13], В. В. Наумкина [14], А. В. Кортунова [12]. Результативность ближневосточного курса придала Москве уверенности в отношении других кризисов, хотя попытки связать ближневосточные достижения с подходом России к кризису в Белоруссии необоснованны [2].

Среди западных специалистов выделяется М. Катц, подготовивший глубокое исследование российской политики в регионе. Именно он ввел понятие «дружить со всеми», определяющее специфику российского курса [11]. Из недавних американских публикаций можно упомянуть доклад Е. Румера, отличающийся жесткой критикой российской ближневосточной политики [51].

Совместным проектом с участием российских, западных и ближневосточных авторов стала коллективная монография «Отношения России со странами ССАГПЗ и Ираном», изданная в 2021 г. [55]. В ней совмещены концептуальные подходы РФ к выстраиванию отношений со странами Персидского залива с анализом конкретных направлений сотрудничества и имеющихся трудностей.

В самом регионе мотивы политических решений и действий Москвы являются предметом исследований арабских, турецких, иранских и израильских авторов. Сотрудник Центра политических исследований «Аль-Ахрам» Зияд Акль пишет о причинах формирования нового уровня взаимоотношений России с политическими элитами некоторых арабских стран (Ливия, Египет и Сирия) [50], а профессор из Университета аль-Мустансира (Ирак) Ахмад Салман Мухаммед ставит более узкий вопрос — о соотношении конъюнктурных и стратегических аспектов российско-египетского альянса [41].

Исследователи из Палестины делают упор на участии РФ в процессе урегулирования палестинской проблемы. Так, Аднан Абу Амер из Университета Уммы (Сектор Газа) подчеркивает: «Контакты с Россией означают, что США не правят миром в одиночку, а также сохраняют внимание к палестинскому досье на международной арене» [29]. Его коллега профессор Хисам Даджни даже утверждает, что единственный путь наращивания веса РФ в регионе лежит через палестинскую проблему [28].

Турецкие эксперты, анализируя стратегию Москвы в отношении различных стран региона [34], особое внимание уделяют сирийскому вектору политики России, историческим корням российско-сирийских отношений и влиянию на них современного геополитического контекста [64].

Состояние ирано-российских отношений рассматривается в монографии «Перспективы отношений Ирана и России», в которой содержатся рекомендации по продвижению национальных интересов Ирана при взаимодействии с Россией [31].

Среди израильских исследователей, занимающихся различными аспектами российско-израильских отношений, можно выделить Цви Магена [52] и Даниэля Ракова [48], сотрудников Института исследований национальной безопасности (INSS), а также Мики Ааронсона [26] из Иерусалимского института стратегии и безопасности (JISS). Отмечая значимость российско-израильского сотрудничества, они полагают, что «иранский аспект» российской политики несет риски для Израиля.

Основное внимание авторов сосредоточено на анализе целей России в регионе, результатах ее присутствия, связанных с этим проблемами и открывающихся возможностях. Не отказываясь от подобного подхода, авторы данной статьи сочли необходимым больше сосредоточиться на восприятии РФ и ее политики в странах региона, на их оправданных и неоправданных ожиданиях, на попытках использовать нового активного игрока в своих интересах и на необходимости считаться с российским видением ситуации, сосредоточив внимание на отношениях России с традиционными партнерами (Сирией и Египтом), неарабскими государствами (Турцией, Ираном и Израилем), на посреднической роли РФ (палестино-израильский конфликт).

Традиционные партнеры

Сирия как витрина российских возможностей. От успехов РФ в Сирии зависит отношение к ней со стороны других арабских и неарабских государств региона, которые могут не одобрять политику Москвы, но неизменно уважают силу.

Ввод российских ВКС в 2015 г. и их успешные действия сформировали у сирийцев завышенные ожидания. Россию воспринимали как обновленную версию СССР и рассчитывали на масштабную военную и экономическую помощь без сколько-нибудь серьезных политических изменений. От России ждали, что она поможет освободить всю территорию страны [22].

Когда эти ожидания не оправдались, официальный Дамаск начал проявлять недовольство. Оно стало особенно заметно с весны 2020 г., когда РФ пошла на компромисс с Турцией по Идлибу, освобождение которого являлось одним из приоритетов Башара Асада [45]. Критику в Дамаске вызывало и нежелание Москвы вступать в прямые столкновения с США на Северо-Востоке Сирии.

Несмотря на трения, и власти САР, и ее граждане демонстрировали заинтересованность в развитии отношений между Сирией и РФ. Население

надеялось, что Россия не ограничится военным присутствием, а будет способствовать политическому и экономическому обновлению, в том числе борьбе с коррупцией, и внедрению «хорошего управления». На бытовом уровне часто можно было услышать рассуждения, что, раз РФ взялась восстанавливать порт в Тартусе [18], то было бы хорошо, чтобы она навела порядок и в самом городе. Рядовые граждане ожидали от России безвозмездных или льготных поставок топлива и продовольствия, поскольку стала остро ощущаться нехватка бензина и даже муки [20]. В экономической сфере имелся отчетливый запрос со стороны деловых кругов на привлечение российского среднего и малого бизнеса к восстановлению Сирии.

Отдельным поводом для недовольства в Дамаске было медленное развитие торгово-экономического сотрудничества. Если военно-политическая обстановка в Сирии по состоянию на середину 2021 г. была относительно стабильной, то экономический спад стал серьезной угрозой для стабильности. И большие надежды в этой связи возлагались на РФ. По мнению сирийской стороны, переговоры о расширении российского участия в восстановлении САР шли медленно, а договоренности, достигнутые в предыдущие годы, не работали [3].

В целом, если правительству нужна военная и экономическая помощь без обязательств по части внутренних реформ, то население и часть гражданского общества связывают с РФ надежды на политические и социально-экономические преобразования.

Российско-египетские отношения. Арабская Республика Египет (АРЕ) — один из важнейших партнеров РФ на Ближнем Востоке. Многие египтяне с теплотой вспоминают былые дни тесного сотрудничества, когда СССР был на пике своего могущества, а Египет — на пике регионального влияния.

Восприятие египетским обществом современной России противоречиво: положительные оценки под влиянием конъюнктуры могут резко меняться на противоположные. В 2013—2014 гг. отношение к РФ среди египтян было негативным (более 70% опрошенных выразили неодобрение внешней политики Москвы) [54], но затем изменилось. По опросу арабской молодежи в 2018 г., Россия все чаще рассматривается как главный неарабский союзник, а 20% считают ее лучшим другом [38]. Эксперты и элиты признают ее «глобальным полюсом силы, с которым следует укреплять отношения» [42]. У Египта есть общие интересы с Россией по ключевым вопросам стабилизации Сирии и Ливии. Каир разработал стратегию, направленную на ограничение его зависимости от США путем расширения дипломатических, военных и экономических связей с другими глобальными игроками, в том числе Россией. Одним из драйверов сближения являются доверительные отношения лидеров, которые встречались 11 раз за последние семь лет.

К концу 2020 г. объем российских инвестиций в Египет достиг почти 8 млрд долларов [32]. Особо важны для него инвестиции в добычу газа на шельфе. Экономические отношения базируются также на проектах АЭС Эд-Дабаа и российской промышленной зоны (РПЗ) в Порт-Саиде [43]. Ожидается, что РПЗ обеспечит продвижение на египетский рынок российской продукции и в перспективе — выход на рынки африканских стран. Однако нерешенность юридических и технических вопросов [61] создает негативный фон в отношениях.

Одним из основополагающих элементов взаимодействия является военное и военно-техническое сотрудничество. Египет заказывает крупные партии дорогостоящего высокотехнологичного вооружения [6], ежегодно проводятся совместные учения. Для дальнейшего углубления двусторонних отношений по этому направлению была создана Совместная российско-египетская комиссия по военно-техническому сотрудничеству [4].

Для Египта РФ — ключевой партнер в сфере продовольственной безопасности. Самое густонаселенное арабское государство не может самостоятельно удовлетворить потребности населения в хлебе и вынуждено закупать зерно за границей. АРЕ стала крупнейшим импортером российского зерна. В 2020 г. хороший урожай в РФ позволил российской пшенице занять рекордные 80% рынка Египта (для сравнения: в 2019 г. эта доля составила 52%) [7].

Вместе с тем имеют место и разногласия. Египет ищет поддержки России в споре с Эфиопией по поводу строительства плотины «Возрождение», которую Каир рассматривает как экзистенциальную угрозу. В начале июля прошла сессия Совбеза ООН по эфиопской плотине, где российская сторона заняла нейтральную позицию и выразила озабоченность по поводу обострения «конфронтационной риторики» между Египтом, Суданом и Эфиопией. Отсутствие прямой поддержки России по плотине на Ниле вызвало недовольство египтян на разных уровнях. 12 июля 2021 г. Россия подписала соглашение о военном сотрудничестве с Эфиопией, что также стало поводом для возмущения [23]. Впрочем, несмотря на проблемы, сотрудничество с РФ рассматривается Каиром как важнейший фактор развития и способ сбалансировать зависимость от США.

Неарабские игроки

Россия и Турция. Российская политика в отношении Турции выходит далеко за рамки Ближнего Востока. Страны являются соседями по Черноморскому региону, который представляет собой важную арену их взаимодействия. Москва и Анкара разделяют исторически обусловленный интерес к Закавказью, Средней Азии и Балканам, где проживают родственные им

с этнической и конфессиональной точек зрения народы. Весь этот комплекс факторов в сочетании с интенсивным развитием двусторонних связей в течение последних 15 лет вывел Турцию на уровень отдельного направления российской внешней политики.

Опрос общественного мнения, опубликованный в июне 2021 г., свидетельствуют о росте симпатий турецкого общества к России на фоне регионального взаимодействия обеих стран. 29,9% респондентов назвали Россию «самым близким другом» Турции (по сравнению с 12,3% в 2020 г.) [39. Р. 40]. На этой шкале Россия заняла шестое место после Азербайджана, Турецкой Республики Северного Кипра, Грузии, Узбекистана и Пакистана. 50% опрошенных уверены, что Россия не представляет угрозы для Турции, а 27,8% полагают, что Анкаре следует сотрудничать с Москвой во внешней политике [39. Р. 41, 42].

Локомотив сотрудничества — экономика. Россия является третьим по величине торговым партнером Турции (после Германии и Китая). Турция занимает седьмое место среди крупнейших торговых партнеров РФ. В 2020 г. двусторонняя торговля составила 20,8 млрд долларов: 15,7 млрд — российский экспорт в Турцию, 5,1 млрд — турецкий экспорт в Россию [63]. На повестке дня стратегическая цель роста торгового оборота до 100 млрд долларов [19].

Важными скрепами двусторонних отношений служат масштабные проекты в сфере энергетики: газопроводы «Голубой поток» (мощностью 16 млрд куб. м в год), «Турецкий поток» (31,5 млрд куб. м в год), а также АЭС «Аккую», которую российские специалисты строят в Турции. Она должна быть введена в эксплуатацию в 2023 г. и с выходом на полную мощность будет покрывать 10% потребностей Турции в электроэнергии, снизив зависимость страны от газа и угля.

Сейчас РФ является крупнейшим поставщиком газа в Турцию. Так, в марте 2021 г. на долю России пришлось 44% турецкого импорта природного газа (далее следуют Азербайджан — 18% и Иран — 14%) [44]. Россия занимает второе место (после Ирака) среди поставщиков нефти и нефтепродуктов в Турцию: в марте 2021 г. российская доля составила 19% [44].

Развитию отношений способствует стремление турецкого руководства проводить независимую, национально ориентированную внешнюю политику [10]. Покупка Турцией С-400 расширила долгосрочные возможности военно-технического сотрудничества. Турция стала первой страной НАТО, которая приобрела российские системы, несмотря на давление и санкции США.

Ближний Восток долгое время был регионом, в котором у России и Турции не было конфликта интересов. Подходы к наиболее острым темам были близки и давали возможность акцентирования совпадающих взглядов.

Новым измерением российской политики стало взаимодействие с Турцией в сирийском кризисе в условиях расхождения подходов сторон к руководству Сирии и к сути конфликта. Им довольно успешно удавалось выносить сирийскую проблему за рамки двусторонних отношений. Но обострение в российско-турецких отношениях 2015—2016 гг. обусловило необходимость поиска взаимоприемлемых решений. С 2017 г. функционирует астанинский переговорный формат по Сирии с участием России, Турции и Ирана. Продолжаются совместное российско-турецкое патрулирование в Идлибе и усилия по подготовке новой сирийской конституции. Новым этапом этого процесса и дополнительным развитием регионального сотрудничества Москвы и Анкары стали трехсторонние консультации по сирийской проблеме России, Турции и Катара в Дохе 11 марта 2021 г. на уровне министров иностранных дел [24].

Россия и Турция участвуют в поддержании перемирия в Ливии, поиске возможностей налаживания политического диалога и возвращения этой страны к нормальной жизни. В июле 2020 г. две страны договорились о создании Совместной Рабочей группы по Ливии [25], которая стала площадкой для координации подходов России и Турции, поддерживающих различные стороны ливийского конфликта. Российско-турецкие консультации стали неотъемлемым элементом нового формата двустороннего взаимодействия, выходящего на международный уровень [17].

Современные российско-турецкие отношения вышли на новый этап развития, который позволяет странам достигать взаимопонимания в сложных ситуациях. Вместе с тем две страны связаны сложным и хрупким альянсом, подверженным риску глубоких кризисов.

Российско-иранские отношения. Отношение к России в Иране характеризуется широким спектром мнений от настороженно-прохладного до восторженно-позитивного [39. Р. 44]. Хотя двусторонние отношения все еще *проходят этап восстановления* после кризиса 2010-х гг., который был связан с невыполнением РФ обязательств по контракту о поставках ЗРК С-300, тенденция к углублению российско-иранского взаимодействия прослеживается с 2014—2015 гг. [10. С. 27], когда обе страны оказались вовлечены в сирийский конфликт. 18 июня 2021 г. президентом Ирана был избран Ибрагим Раиси. Новый президент и его окружение заявляли об укреплении связей с Китаем, Россией и Индией [58].

В числе определяющих для российско-иранских отношений факторов можно выделить схожесть подходов к ряду международных проблем. Перспективным представляется российско-иранское взаимодействие в рамках ШОС по вопросу Каспия, ряду региональных кризисов (карабахский, сирийский, афганский), где имеется вовлеченность Ирана.

Обе стороны стремятся избегать публичных трений, но Тегеран ожидает от Москвы большей готовности учитывать иранскую позицию и иранские интересы, прежде всего в Сирии.

На непростой характер российско-иранского взаимодействия косвенно указывают неразвитость торгово-экономических отношений и скромные объемы товарооборота (в 2020 г. — 2,2 млрд долларов). Страны по-прежнему не могут достичь его досанкционного уровня — 3 млрд в 2009 г. Тем не менее, Иран в условиях санкций видит в сотрудничестве с Россией способ преодоления изоляции и даже подготовил проект нового «всеобъемлющего» договора о сотрудничестве с РФ (по аналогии с китайско-иранским).

Израиль — партнерство на фоне противоречий. С Израилем Россию связывают разнообразные политические, социально-экономические и культурные контакты. Отношение израильтян к России неоднозначно: более или менее позитивно ее оценили 45% опрошенных, более или менее негативно — 49% (опрос основан на данных 2019 г.) [56]. По опросу Американского еврейского комитета (АЖС) 2019 г., 43% израильтян-евреев не считали Россию ни другом, ни врагом Израиля, количество же воспринимающих ее только как друга или только как врага примерно равно — 24 и 23% [27]. При этом в 2020 г. РФ оставалась страной, отношения с которой граждане Израиля считали наиболее значимыми (кроме США) [60].

Важную роль в российско-израильских отношениях играет личностный фактор: бывший премьер-министр Израиля Нетаньяху активно использовал все возможности для развития прямых контактов с российским президентом. Аналогичный подход был характерен и для премьер-министра Шарона в 2001—2006 гг. [40].

В июне 2021-го в Израиле к присяге было приведено новое правительство. После двенадцатилетнего правления Нетаньяху пост премьер-министра занял Нафтали Беннет, глава правой партии «Ямина». Через два года он по коалиционному соглашению должен будет передать эту должность Яиру Лапиду (лидеру центристской «Еш Атид»). Значение и статус израильского МИД должны возрасти [36], что нивелирует значимость личностного фактора в пользу институционального.

Особого акцента на отношениях с Россией ни премьер-министр, ни министр иностранных дел в своих выступлениях не делали. Яир Лapid при вступлении на должность выделил США и ЕС как приоритетные направления деятельности израильского МИД [59].

Источником трений с Россией остается вмешательство Израиля в кризис в Сирии. Израильские ВВС регулярно наносят удары по позициям проиранских сил в этой стране [57]. Сирийские ПВО стали сбивать израильские ракеты и беспилотники все чаще, что может объясняться техническим со-

действием РФ [1]. Израиль убеждает Москву использовать влияние на Дамаск для вытеснения Ирана и его прокси из Сирии, но подобный сценарий маловероятен, и Тель-Авив ориентируется на сохранение российско-израильского диалога по вопросам безопасности на Юге Сирии, чтобы не допустить наращивания там иранского присутствия.

Смена руководства в Израиле, крайне значимая с внутривосточной точки зрения, вряд ли существенно изменит внешнеполитический курс. Это касается и отношений с Россией.

Россия в конфликтах: палестинский взгляд

Палестинское руководство традиционно рассматривает Россию как важного брокера в процессе решения палестинской проблемы и значимый политический актив — с учетом российского членства в СБ ООН и «квартете» международных посредников. Последовательная приверженность Москвы принципу «двух государств» и усилия по достижению примирения между различными фракциями Западного берега и Сектора Газа положительно воспринимаются палестинской стороной. Россия регулярно выделяет гуманитарную, продовольственную и финансовую помощь [21], как посредством соответствующих агентств ООН, так и напрямую — в частности, на восстановление Газы после военных операций Израиля.

Однако возможности России в решении наиболее насущных проблем палестинцев имеют пределы. По опросу общественного мнения в июне 2021 г. [47], таковыми являются продолжающаяся блокада Газы, масштабная коррупция и удручающие социально-экономические условия, особенно ухудшившиеся на фоне заметного сокращения иностранной помощи в последние несколько лет.

Палестинские лидеры — как в ПНА, так и руководство ХАМАС — своими задачами видят сохранение власти в условиях стремительного снижения поддержки со стороны населения и привлечение внимания к Палестине для получения финансовой помощи. Инициативы Москвы по активизации работы «квартета» посредников и перезапуску палестино-израильских переговоров [53], а также ее готовность предоставить площадку для переговоров между палестинскими фракциями отвечают этим задачам.

Одним из значимых вызовов является выработка международного механизма предоставления помощи Сектору Газа, особенно после столкновений в мае 2021 г. и с учетом его зависимости от внешних доноров на 80% [37]. Палестинцы заинтересованы в любом региональном и международном содействии, в том числе со стороны России, в получении доступа к ресурсам. В Палестине видят в развитии контактов с Россией внешнеполитический ресурс, подчеркивая ее роль как противовеса США [30], но едва ли возлагают большие надежды на ее способность кардинально изменить ситуацию в пользу палестинцев.

* * *

Россия быстро и с минимальными издержками заняла на Ближнем Востоке устойчивые позиции, отвечающие ее интересам. При этом Москва демонстрирует гибкий подход и умение проводить дифференцированную политику в каждом из субрегионов Большого Ближнего Востока, учитывая местные особенности и потребности. Анализ отношений РФ с Сирией, Египтом и неарабскими государствами Ближнего Востока показывает, что функции провайдера безопасности и медиатора пользуются особым спросом.

В Москве видят важного партнера в деле урегулирования ряда региональных кризисов и в борьбе с экстремизмом. Так, в Сирии население и элита считают РФ ключевым партнером в плане преодоления политических последствий гражданской войны и в экономическом восстановлении страны. Для египтян Россия — это провайдер продовольственной безопасности и поставщик современных вооружений, а отчасти — противовес и альтернатива американскому влиянию. Неарабские государства — Турция, Иран, Израиль — признают возросшую роль РФ на Ближнем Востоке и вынужденно учитывают ее в своей внешней политике, стараясь наладить механизмы взаимодействия и преодоления разногласий.

Рост российской активности не обходится без трений как с региональными игроками, так и с США, особенно по сирийскому вопросу. Специфика Ближнего Востока такова, что ни политические, ни экономические связи, ни даже военная помощь не гарантируют готовности местных игроков считаться с интересами внешних партнеров. К этому стоит прибавить далеко не всегда адекватное восприятие России со стороны элит и населения, выражающееся в завышенных ожиданиях и обидах, когда эти ожидания не оправдываются.

Литература

1. Ближний Восток взрывается : Русским зенитчикам разрешено сбивать израильские ракеты над Сирией // Свободная пресса. 2021. 27.07. — <https://svpressa.ru/war21/article/305364/> (дата обращения: 30.07.2021).
2. **Бордачев Т.** Россия на Ближнем Востоке: десять лет после «арабской весны» // Валдайский клуб. 2021. 31.03. — <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/desyat-let-posle-arabskoj-vesny/> (дата обращения: 02.08.2021).
3. Борисов рассказал о подготовке соглашения с Сирией по экономике // РИА «Новости». 2021. 22.06. — <https://ria.ru/20210622/siriya-1738081334.html> (дата обращения: 01.08.2021)
4. В Москве прошло 1-е заседание Совместной Российско-Египетской комиссии по военно-техническому сотрудничеству // Министерство обороны РФ. 2015. 04.03. — https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12009420@egNews (дата обращения: 01.08.2021).
5. **Васильев В. М.** От Ленина до Путина : Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М. : Центрполиграф, 2018.

6. ВТС России и Египта укрепляется. Контрактов стало больше // Вести.ru. 2017. 29.11. — <https://www.vesti.ru/article/1545565> (дата обращения: 28.07.2021).
7. Египет засыпало российским зерном // Коммерсантъ. 2020. 31.08. — <https://www.kommersant.ru/doc/4474172> (дата обращения: 11.08.2021).
8. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова журналу «Русская мысль» (Великобритания), 4 марта 2021 года // МИД РФ. — https://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/4606164 (дата обращения: 15.07.2021).
9. **Исмагилова О.Д., Кнобель А. Ю., Коваль А. А., Левашенко А. Д., Пыжиков Н. С., Снег М. Л., Спартак А. Н., Флегонтова Т. А., Хохлов А. В., Якубовский И. В.** Перспективы наращивания российско-го несырьевого экспорта // Центр стратегических разработок. 2018. — <https://www.csr.ru/upload/iblock/69a/69a4bb385096875672f351c264f09f97.pdf> (дата обращения: 01.08.2021).
10. **Карамид Д.** Стратегическое партнерство России и Ирана на новом этапе: что мы можем предложить друг другу? // Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития. 2017. № 9. М. : НП РСМД, 2017.
11. **Катц М. Н.** Российская политика на Большом Ближнем Востоке или искусство дружить со всеми. П. : ИФРИ : Центр Россия/ННГ, 2010. Т. 4.
12. **Коргунов А. В.** Россия на Ближнем Востоке: тактические победы и стратегические вызовы // РСМД. 2019. 31.07. — <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-na-blizhnem-vostoke-takticheskie-pobedy-i-strategicheskie-vyzovy/> (дата обращения: 02.08.2021).
13. **Кузнецов В. А.** Россия в Северной Африке: капитализация успеха // Уральское востоковедение. 2018. № 8.
14. **Наумкин В. В.** Несостоявшееся партнерство : Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М. : ИВ РАН : Аспект Пресс, 2018.
15. **Наумкин В. В.** Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 4.
16. Небензя рассказал о поворотном моменте в работе СБ ООН // РИА «Новости». 2021. 09.07. — <https://ria.ru/20210709/nebenzya-1740665425.html> (дата обращения: 18.07.2021).
17. О консультациях специального представителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя Министра иностранных дел России М. Л. Богданова и заместителя Министра иностранных дел Турецкой Республики С. Онала по сирийской и ливийской проблематике // МИД РФ. 2021. 08.06. — https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4777804 (дата обращения: 19.07.2021).
18. Порт наш: Россия взяла Тартус // Газета.ru. 2019. 20.04. — https://www.gazeta.ru/politics/2019/04/20_a_12313237.shtml (дата обращения: 30.07.2021).
19. Путин: Россия и Турция добьются объема товарооборота в \$100 млрд // ИТАР ТАСС. 2018. 19.11. — <https://tass.ru/ekonomika/5809378> (дата обращения: 19.07.2021).
20. Режим Башара Асада поднял стоимость бензина на 25% // Anadolu Agency. 2021. 16.04. — <https://www.aa.com.tr/ru/мир/режим-башара-асада-поднял-стоимость-бензина-на-25-/2210940> (дата обращения: 30.07.2021).
21. Россия выделила на гуманитарную помощь Палестине \$18 млн с 2014 года // Коммерсантъ. 2021. 22.05. — <https://www.kommersant.ru/doc/4825599> (дата обращения: 20.07.2021).
22. «Сирийцам нужна помощь России» : Асад рассказал о развитии ситуации в САР // РИА «Новости». 2017. 21.04. — <https://ria.ru/20170421/1492828628.html> (дата обращения: 30.07.2021).
23. **Смирнова В.** Россия согласилась помочь Эфиопии модернизировать вооруженные силы // Политэксперт. 2021. 12.07. — <https://politexpert.net/253368-rossiya-soglasilas-pomoch-efiopii-modernizirovat-vooruzhennye-sily> (дата обращения: 12.08.2021).

24. Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации, Государства Катар и Турецкой Республики, Доха, 11 марта 2021 года // МИД РФ. — https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNnonkJE02Bw/content/id/4616331 (дата обращения: 19.07.2021).

25. Совместное заявление по итогам российско-турецких консультаций высокого уровня по Ливии. Анкара, 22 июля 2020 года // МИД РФ. — https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNnonkJE02Bw/content/id/4251704 (дата обращения: 19.07.2021).

26. **Aharonson M.** Relations between Israel and the USSR/Russia // The Jerusalem Institute for Strategy and Security (JISS). 2018. 01.05. — <https://jiss.org.il/en/aharonson-relations-israel-ussr-russia/> (дата обращения: 30.07.2021).

27. AJC 2019 Survey of Israeli Jewish Opinion // AJC News. 2019. 02.06. — <https://www.ajc.org/news/survey2019/Israel> (дата обращения: 30.07.2021).

28. **Amer A.** Istagallyat al'-gyyab al'-amrikij va basatat nuvuzaha fi-l'-mintaka. Rusiya tudayfu tumuhatiha fi Flastyn. [It took advantage of the American absence and expanded its influence in the region. Russia is increasing its ambitions in Palestine] // Arabic Post. 2021. 08.02. — <https://arabicpost.net/رابح/2021/02/08/يسورل-ارودل/نيطسلف-يف/> (дата обращения: 13.08.2021).

29. **Amer A.** Russia is using religion to strengthen its influence among Palestinians // Middle East Monitor. 2020. 01.02. — <https://www.middleeastmonitor.com/20200201-russia-is-using-religion-to-strengthen-its-influence-among-palestinians/?fbclid=IwAR1suzRQ9f4WTX5svbbv5ujKuZ5c19oQ0-YwGlCqIJTyLYVniQvjPsSQBTc> (дата обращения: 01.08.2021).

30. **Amer A.** Russian interactions with Palestinians seen as all talk, no action // Al-Monitor. 2021. 15.02. — <https://www.al-monitor.com/originals/2021/02/hamas-palestinian-factions-russia-role-elections-division.html> (дата обращения: 29.07.2021).

31. **Asgarian H.** Cheshmāndāz-e ravābet Irān va Rusie [Prospects for Iran-Russia relations]. Tehran : International Studies & Research Institute, 2017.

32. Aslanov: Russian investments in Egypt hit \$8B in 2020 // Egypt Today. 2021. 31.05. — <https://www.egypttoday.com/Article/3/104526/Aslanov-Russian-investments-in-Egypt-hit-8B-in-2020> (дата обращения: 29.07.2021).

33. **Aydın M.** Türk Dış Politikası Kamuoyu Algıları Araştırması [Public Opinion Poll on Turkish Foreign Policy] // Kadir Has University (Istanbul). 2021. 15.06. — https://www.khas.edu.tr/sites/khas.edu.tr/files/inline-files/DPA2020_BASIN%5B1%5D.pdf (дата обращения: 29.07.2021).

34. **Bayraktar B.** Rusya'nın Ortadoğu Hesapları [The Middle East Accounts of Russia] // Kriter Journal. 2020. February. — <https://kriterdergi.com/dis-politika/rusyanin-ortadogu-hesaplari> (дата обращения: 29.07.2021).

35. Energy Market Sector Reports For July Are Published // Gonen Law Office. — <https://gonen.com.tr/energy-market-sector-reports-for-july-are-published/> (дата обращения: 18.07.2021).

36. **Eiran E.** Yair Lapid and the opportunity of the Foreign Ministry — opinion // The Jerusalem Post. 2021. 27.06. — <https://www.jpost.com/opinion/yair-lapid-and-the-opportunity-of-the-foreign-ministry-opinion-672213> (дата обращения: 30.07.2021).

37. European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations // Palestine. European Commission. — https://ec.europa.eu/echo/where/middle-east/palestine_en#:~:text=In%20Gaza%2C%20the%20blockade%2C%203,pover%2C%20unemployment%20and%20food%20insecurity (дата обращения: 19.07.2021).

38. **Frolovskiy D.** Are the Kremlin's gains in the Middle East sustainable? // MEI. 2019. 27.09. — <https://www.mei.edu/publications/are-kremlins-gains-middle-east-sustainable> (дата обращения: 29.07.2021).

39. **Gallagher N., Mohseni E., Ramsay C.** Iranian Public Opinion under “Maximum Pressure”. Maryland : Center for International and Security Studies (CISSM), 2019. — https://cissm.umd.edu/sites/default/files/2019-10/Iranian%20PO%20under%20Maximum%20Pressure_101819_full.pdf (дата обращения: 30.07.2021).

59. Tekes hilufei sarei ha-hutz be-misrad ha-hutz [Ceremony of exchange of the ministers of Foreign Affairs at the Ministry of Foreign Affairs] // Gov.il. 2021. 14.06. — https://www.gov.il/he/departments/news/fm_yair_lapid_s_speech_at_the_mfa (дата обращения: 20.07.2021).

60. The 2020 Israeli Foreign Policy Index of the Mitvim Institute // Mitvim Institute. 2020. October. — <https://mitvim.org.il/wp-content/uploads/English-Report-2020-Israeli-Foreign-Policy-Index-of-the-Mitvim-Institute.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

61. 20% of Russian industrial zone in Egypt's Port Said completed, equipped // Egypt Today. 2021. 0906. — <https://www.egypttoday.com/Article/3/104842/20-of-Russian-industrial-zone-in-Egypt-s-Port-Said> (дата обращения: 29.07.2021).

62. **Trenin D.** Russia in the Middle East. Moscow's objectives, priorities, and policy drivers // Carnegie Endowment for International Peace. 2016. 05.04. — <https://carnegie.ru/2016/04/05/russia-in-middle-east-moscow-s-objectives-priorities-and-policy-drivers-pub-63244> (дата обращения: 02.08.2021).

63. Türkiye-Rusya: 2020'nin muhasebesi [Turkey-Russia: Accounting for 2020] // Turk-Rus News Portal. 2021. 16.02. — <https://www.turkrus.com/1512632-rusya-ile-2020nin-muhasebesi-turkiye-kacinci-ticaret-partneri-oldu-hi.aspx> (дата обращения: 18.06.2021).

64. **Üren M.** Ortadoğu'daki Yeni Jeopolitik Ortamda Rusya'nın Suriye Politikası [Russia's Policy in Syria in the New Geopolitical Environment in the Middle East] // Journal of Eurasian Inquires. 2019. Vol. VIII/2. ◆